

ИСТОРИЯ ПРАВОПОРЯДКА. ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

УДК 908

№ 1 (12) / 2017, с. 63—68

ПОЛИЦЕЙСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЗОЛОТОГО ПРОМЫСЛА НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Татьяна Кимовна Махрова

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права,
конституционного и административного права
ФГАОУ ВО ЮУрГУ (НИУ), г. Челябинск
E-mail lotto@list.ru

Статья посвящена истории становления золотопромышленности на Урале. Рассматриваются вопросы разработки и реализации комплекса мероприятий организационно-правового и полицейского характера, отражающих стремление правительства противодействовать теневому обороту уральского золота. Доминирующим способом обеспечения интересов государства становится усиление полицейского надзора силами земской и горной полиции, горного ведомства, корпуса жандармов и казачьего войска.

Ключевые слова: устав горный, золотопромышленность на Урале, полицейский надзор, горная полиция, горный исправник.

POLICEMEN SUPPORT OF GOLDEN FISHING IN THE URALS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Tatyana Makhrova

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Chair of Theory of State and Law,
Constitutional and Administrative Law
FGAOU VO SUSU, Chelyabinsk
E-mail lotto@list.ru

The article is devoted to the history of the formation of the gold in the Urals. We consider the development and implementation of a complex of measures of organizational, legal and police nature, reflecting the Government's desire to counteract the shadow turnover Ural gold. The dominant way of ensuring the interests of the state is strengthening of police supervision.

Keywords: Mining charter, gold mining in the Urals, police surveillance, police mountain, mining of police.

Открытие в XVIII веке месторождений золота на Урале, сначала рудного, а в начале XIX в. и рассыпного, одним из неизбежных последствий своих имело рост преступности в сфере золотодобычи. Частная добыча рудного золота официально была разрешена Указом Правительствующему Сенату

от 28 мая 1812 года «О предоставлении права всеми российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды, с платежом в казну подати» [12]. На земли башкирские и тептярские разрешение было распространено после 1836 г. (с согласия общины и с повышенной ставкой налога — до 25 %

от стоимости добытого золота вместо 5 % на казенных землях). На территории Оренбургского казачьего войска разрешалось проведение разведки всем лицам, занимавшимся горным промыслом, бесплатно и без согласия войскового начальства или населения, за исключением тех ситуаций, когда ущемлялись интересы казаков на пахотных и сенокосных землях. В этих случаях устанавливалась плата с десятины занятой под прииск земли, для каждого прииска регламентировался отвод (не более 1 кв. версты) и расстояние от одного прииска до другого (не менее 5 верст) [11, с. 55—56]. Государство по узаконению от 10 апреля 1835 г. сохраняло за собой право распоряжаться содержащимися в недрах «благородными металлами и минералами», выплачивая за это войску ежегодное вознаграждение 150 тыс. руб. [15].

Самостоятельных разработок золотых месторождений войско не вело. По некоторым сведениям, лишь в 1852—1853 гг. начинали работу Петро-Павловские войсковые золотые прииски, управляемые подполковником Карповым [1, л. 1], в 1840-е гг. действовали частные прииски есаула 6-го Оренбургского казачьего полка П. Е. Колбина [6, л. 1], занимались золотым промыслом казаки станицы Уйской Масловы. Дозволительные свидетельства таким лицам выдавались сроком на 5 лет для разведки и на 12 лет для разработки россыпи, после чего отвод возвращался в казну (по узаконению 1841 г., действовавшему до 1870 г.)

Количество мелких золотодобытчиков, особенно после открытия золотоносных песков, увеличивалось, и их интересы шли вразрез со стремлением правительства пополнить казну на фоне роста добычи золота на Южном Урале — до 50—60 пудов в год [8, с. 38—41]. Однако статистика официальной добычи не отражала реальных объемов производства. Преобладание на золотосодержащих территориях Южного Урала в основном мелких и средних частных предпринимателей обусловило недостаток капитала для организации разведки и мониторинга добычи, создавало условия для распространения неконтролируемого индивидуального старательства и хищений золота. Противодействие теневому обороту уральского золота рассматривалось как важнейшая задача администрации всех уровней. Первая половина столетия стала периодом поиска способов ее решения, когда правительство опытным путем определяло необходимые меры законодательного, организационного, полицейского характера.

Изучением ситуации на местах традиционно занимались министерские комиссии из центра и негласные «разведывания» силами местных начальников горных заводов — А. И. Дитерихса и сменившего его В. А. Глинки, которые выполняли поручения министра финансов о тайном наблюдении за состоянием местного рынка [2, л. 3—5].

«Нет ничего легче, как производить кражу сего металла среди лесов вдали от селений», — писал в своем рапорте в 1831 г. помощник горного начальника Богословских заводов Вальтер Протасов, считавший, что на Урале это зло «родилось с открытием песчаного золотого промысла... Правительство изложило правила к отвращению сего зла... Правила соблюдаются вполне, но хищничество продолжается». Протасов приводит собственные расчеты, объясняющие экономическую привлекательность индивидуального старательства и хищения золота: даже при невысоком содержании золота в песке, например, на Невьянском и Верх-Исетском заводах, работник имел возможность заработать за 5 рабочих дней до 3 рублей, рабочий на заводе получал за это время 60 копеек без провианта. Даже в разгар сенокоса, когда наемным работникам платили по рублю в день с пропитанием, «рабочий человек все равно предпочитал мыть песок» [5, л. 25—31, 121, 130]. Чиновник рекомендовал отменить на золотых приисках «задельную» плату и усилить полицейский надзор вплоть до выяснения у каждого выезжающего и приезжающего на горнозаводскую территорию цели передвижения и установления наблюдения за подозрительными лицами. В 1833 г. начальник Уральских горных заводов А. И. Дитерихс запретил казенным заводам допускать вольнонаемных на россыпи, однако на частных промыслах старатели допускались на выработанные прииски — до запрета старательских работ с платою за золотник на всех промыслах Урала, введенного министром финансов Ф. П. Вронченко в 1850 г. Однако запрет был снят преемником Вронченко на посту министра финансов П. Ф. Броком, который предписал в 1853 г. ведение старательских работ артелями численностью не менее 10 человек.

Протасов, как следует из ответного послания Министерства финансов, «не открыл Америку», описанная им ситуация «известна всякому служащему на Урале» [5, л. 28]. Доклады правительству о масштабах и способах хищения золота на казенных и частных заводах регулярно представляли «уральские» комиссии министерства финансов — под руководством графа Кутайсова в 1826 г. [8, с. 76], статского

советника Д. Пасенко в 1827 г. [4, л. 3—6]. Одна из таких комиссий в 1850 г. примерно за год своей деятельности выявила на южно-уральских промыслах 500 человек, участвовавших в хищениях золота, и подсчитала по признательным показаниям «хищников» примерный ущерб — более 11 пудов золота за 10 лет [8, с. 75].

Правительственные мероприятия не всегда осуществлялись системно и последовательно, но отражали стремление оперативно реагировать на ситуацию. Выводы комиссий, а также мнения местных наблюдателей, излагаемые в многочисленных «записках», позволяют очертить круг этих мероприятий.

Ситуация на Урале подтолкнула правительство к признанию необходимости введения наказания для похитителей золота и их пособников, а также поощрения для «объявителей воровства», т. к. «общие уголовные законы по разнообразности сих преступлений и по удобности их сокрытия оказались недостаточны». Пробелы в законодательстве были заполнены Положением 1829 г. «О преступлениях по добыванию золота, тайной оным торговле и о наказании за сии преступления». Преступлениями по производству золота были признаны: его похищение; участие в похищении и утайка от властей; послабления к похищению, связанные с деятельностью чиновников, их злым умыслом и служебной халатностью; тайная торговля золотом. Хищничеством называли обычно тайную промывку золота, утайкой — сокрытие золота при промывке на легальных приисках, казенных или частных [13].

Надзор за порядком в золотодобывающей отрасли на Урале становится особым направлением полицейской деятельности и в 1830—1840-е гг. усиливается, особенно на частных приисках пограничного со степью Оренбургского края. Охрана правопорядка на территории уральских горнозаводских округов, на казенных и частных заводах, с 1806 г. осуществлялась силами ведомственной горной полиции (в соответствии с проектом Горного положения для управления заводов хребта Уральского и по правилам, закрепленным Горным уставом в 1832 г.). Исследователи отмечают изначально широкую компетенцию горной полиции по обеспечению «благочиния» в первой половине XIX века, отмечая, что узкая ориентация на сопровождение частной золотодобычи характерна лишь для второго этапа существования этого института (в 1865—1917 гг.) [10]. Однако архивные документы указывают на наличие на Урале серьезной потребности в такой

переориентации и сосредоточении усилий горной полиции именно на противодействии криминализации золотодобычи уже в первой половине столетия.

Горная полиция подчинялась горному начальнику и горному правлению, и далее — Горному департаменту, который структурно входил в Министерство финансов. Проектом 1806 г. горная полиция фактически была разделена на полицию при казенных горных заводах и округах (с введением полицейского чина горного исправника для руководства окружной горной полицией) и полицию при частных заводах и округах (с введением должности заводского исправника). По «Положению о частной золотопромышленности на казенных землях Сибири» от 30 апреля 1838 г. охрану порядка на приисках возглавили «отдельные заседатели» (заседатели по золотопромышленным делам земского суда) которые назывались с 1844 г. «горными исправниками» и имели в подчинении несколько полицейских чинов. Кроме того, «Положением» предусматривалась возможность командирования в распоряжение «отдельного заседателя» казачьих команд.

Для содержания горной полиции и казачьих команд правительство ввело дополнительный налог с золотопромышленников [13]. В 1846 г. в составе Департамента горных и соляных дел Министерства финансов было сформировано отделение частных золотых промыслов, по просьбе золотопромышленников на уральских частных приисках было учреждено три должности горных исправников, которые должны были содержаться за счет предпринимателей.

Поскольку казна не всегда могла изыскать требуемые суммы, ст. 784 предусматривала, что горный начальник мог назначить для исполнения полицейских обязанностей чиновников, состоящих «по службе горной». Горные чиновники нередко выполняли поручения, связанные с тайным наблюдением и сбором агентурной информации. В 1833 г. в штате Горного правления появился горный ревизор частных золотых приисков — должность с полицейско-надзорными функциями по образцу, определенному Высочайше утвержденным 14 февраля 1833 г. Положением комитета министров «Об учреждении надзора за частными золотыми приисками в Западной Сибири» [14]. С 1851 г. горный ревизор частных приисков Оренбургского края выбрал местом своего пребывания казачью станицу Уйскую, в округе которой производилась почти половина местной золотодобычи и находились наиболее проблемные прииски и крупные ярмарки [3, л. 131]. Должность

будет упразднена в 1866 г., когда функции горного надзора перейдут к окружным инженерам, и только для сферы золотопромышленности сохранены будут горные исправники и горнополицейская стража.

Оренбургские золотые промыслы в 1851 г. были разделены на три округа, под-

чиненные трем горным исправникам для надзора и преследования «хищников» золота. О количестве частных золотых промыслов Оренбургского края в середине века дает представление документ, подготовленный горным ревизором частных золотых приисков Чупиным [3, л. 144—145]:

Золотые промыслы Оренбургского края (кроме казенных)

Округ, находящийся в ведомстве исправника	Владельцы приисков	Количество приисков
1-й округ (6 и 7 полки ОКВ, станции Чебаркульская, Кундравинская, Уйская) Исправник — Навалихин	Есаул Колбин	4
	Базилевская	5
	Купец Болотов	2
	Купец Козицын	1
	Купец Рюмин	2
	Купец Бакакин	1
	Купец Быков	1
	Купец Якушев	1
	Купец Коробков	3
	Наследники Ахматова	1
Тайный советник Жуковский	Прииски в Башкирских землях	
2-й округ (территория по реке Урал площадью 165 на 55 верст) Исправник — Багратион	Генерал-лейтенант Жемчужников и К ^о	Ильтабановские промыслы Бурзянские промыслы
	Купец Болотов	3
	Купец Рюмин	1
	Купец Козицын	1
	Астафьев	Петропавловские промыслы
3-й округ (200 верст на землях ОКВ между реками Уй, Урал, Тобол) Исправник — Зубринский	Купец Ремезов	Кубеляцкие промыслы
	Купец Зотов	3
	Купец Рязанов	2
	Купец Быков	2
	Купец Козицын	2
	Купец Болотов	1
	Есаул Колбин	1
Купец Красильников	1	

В этот же период на частных золотых приисках появляется надзор со стороны учрежденного Положением от 28 апреля 1827 г. Отдельного корпуса жандармов. Уже в 1830-е гг. жандармские офицеры привлекались для проведения негласных ревизий золотых приисков. По их докладам, например, из Сибири, на приисках не обнаруживалось должного надзора ни со стороны горных ревизоров, ни со стороны земской полиции. Официально жандармский надзор на частных золотых приисках Сибири был введен в 1841—1842 гг. прикомандированием штаб-офицера, который не обладал полномочиями исполнительной полиции, «своим лицом не давал хода жалобам», но наблюдал за порядком и, в соответствии

с утвержденной шефом жандармов в мае 1842 г. секретной должностной инструкцией, обязывался «сообщать местной полиции все усмотренные им злоупотребления и беспорядки... и о действиях сей последней, в случае медленности ее или невнимания, доносить генерал-губернатору и окружному начальнику». Штаб-офицер мог участвовать по просьбе полиции в следствии «в качестве депутата», кроме тех случаев, когда следствие было инициировано его действиями. Казенное жалование должно было обеспечить независимость от золотопромышленников [7, с. 20—21].

Аналогичная практика сложилась и на Урале при генерал-лейтенанте В. А. Глинке

(главном начальнике горных заводов Уральского хребта в 1837—1856 гг.), с той разницей, что появление жандармерии на сибирских приисках рассматривалось как часть полицейских мероприятий, спровоцированных волнениями в Енисейской губернии. На Урале же преобладали скорее фискальные мотивы введения такого надзора. Так, в рапорте окружному начальнику генерал-майору Львову в июле 1850 г. штабной офицер корпуса жандармов штабс-капитан фон Корф настоятельно рекомендовал для наведения порядка на 23 частных приисках Троицкого и Верхнеуральского уездов «использовать пример Сибири» и обеспечить постоянное нахождение офицера жандармского корпуса «на правах старшего полицмейстера в отношении с горной полицией». Но не штаб-офицера, а обер-офицера, чье годовое содержание (в двойном размере, как в Сибири) обошлось бы не в 3 тыс., а в 1 тыс. руб. серебром — сумму, которую местные золотопромышленники согласны были обеспечить за свой счет.

Наиболее удобным местом нахождения такого офицера «для наблюдения и действия при открытии беспорядков» предполагался Челябинск — на пути между Екатеринбург и Троицком, городом, куда с начала июля и до 1 августа прибывали караваны из Бухары. Этот канал использовался для тайного вывоза золота в Бухару и одновременно для сбыта на территории России изготовленных в Бухаре фальшивых ассигнаций. Самый дальний прииск от Челябинска находился на расстоянии около 350 км, поэтому инспектор мог побывать на каждом прииске по пути туда и обратно 2 раза в неделю в течение 7 месяцев в году [3, л. 5, 7 об., 28 об.]

Уже упомянутая практика привлечения казаков для выполнения полицейских функций получала все большее распространение, как на Урале и за его пределами, разъездные команды на золотых промыслах стала постоянным направлением приложения сил казачьего войска [9, с. 116]. По сообщению Корфа, один из владельцев уральских приисков Н. В. Жуковский (гражданский губернатор Санкт-Петербургской губернии в 1843—1851 гг.) обращался в Министерство финансов за помощью, в результате на крупные прииски были направлены казаки, но скоро обнаружилось, что за ними тоже необходим надзор: управляющим приисков они не подчинены, казачьи станицы расположены рядом с приисками, есть соблазн стать участником

тайного сбыта золота (в одной из станиц Троицкого уезда, например, при обыске было найдено 2 фунта золота) [3, л. 23—29]. Тем не менее министр финансов граф Ф. П. Вронченко в декабре 1850 г. распорядился по согласованию с Оренбургским военным губернатором и под руководством горного ревизора иметь на частных промыслах летом разъездную казачью команду в 125 человек (в 1852 г. она была сокращена до 65 человек), а ревизору разрешил расходовать до 500 руб. серебром в год на содержание тайных агентов [3, л. 112—115, 162—164]. Издание Горного устава 1857 г. узаконило существовавшую практику участия оренбургских казаков («разъездных команд») в несении полицейской службы на частных и казенных промыслах (в усиленном составе в период активной деятельности с 15 апреля по 15 ноября и в сокращенном составе в зимний период) [16, с. 101—102].

«Хищничество и перевоз золота», таким образом, формировали ту часть нелегального рынка, которая вызывала особое беспокойство государства. Архивные документы даже при отсутствии систематизированной статистики дают представление о масштабах этого явления: обвинялись в подобных преступлениях урядники и казаки, мастеровые и старатели, караульщики и военные чины, крестьяне и мещане, держатели питейных заведений и купцы. Для борьбы с злоупотреблениями правительство опробовало различные меры, большая часть которых имела полицейский характер. Среди реализованных мероприятий — разработка нормативной базы, продолжившаяся и в пореформенный период, и попытка комплексно использовать силы административных и правоохранительных структур для организации полицейского надзора в сфере золотодобычи и других отраслей, специфика производства и сбыта в которых предрасполагала к расширению внезаконной деятельности в ущерб фискальным интересам правительства. Однако значительная часть инициатив, появлявшихся на уровне центральной и местной администрации, оставалась в формате предложений или разовых малоэффективных мероприятий, вводимых и вновь отменяемых запретов, выполнение которых не могло быть обеспечено ни прописанными четко санкциями, ни систематическим контролем, ни возможностями правительства профинансировать создание такой системы без прямого участия предпринимателей.

Примечания

1. Государственный архив Оренбургской области. — Ф. 37. — Оп. 1. — Д. 730.
2. Государственный архив Свердловской области. — Ф. 43. — Оп. 3. — Д. 157.
3. Государственный архив Свердловской области. — Ф. 43. — Оп. 3. — Д. 191.
4. Государственный архив Свердловской области. — Ф. 43. — Оп. 4. — Д. 8.
5. Государственный архив Свердловской области. — Ф. 43. — Оп. 4. — Д. 8а.
6. Государственный архив Свердловской области. — Ф. 43. — Оп. 4. — Д. 151.
7. Бибииков, Г. Н. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841—1842 гг. / Г. Н. Бибииков, Д. А. Бакшт // Вестник Томского государственного университета. История. — 2016. — № 3 (41). — С. 16—22.
8. Вишев, И. И. Южноуральское золото. XIX век / И. И. Вишев. — Челябинск, 2004. — 148 с.
9. Кобзов, В. С. Не славы ради. Оренбургское казачество в государственно-правовой системе Российской империи / В. С. Кобзов, В. М. Шадрин. — М.: Изд-во Московского университета, 2003. — 190 с.
10. Лучинин, А. В. Горная полиция в России XIX — начала XX вв. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Лучинин ; Нижегородский юридический институт МВД России. — Нижний Новгород, 2000. — 24 с.
11. Общие сведения об Оренбургской губернии. — Оренбург, 1892.
12. ПСЗРИ. — Собр-е 1-е. — Т. XXXII. — № 25119.
13. ПСЗРИ. — Собр-е 2-е. — Т. IV. — № 3033.
14. ПСЗРИ. — Собр-е 2-е. — Т. VIII. — № 5977.
15. ПСЗРИ. — Собр-е 2-е. — Т. X. — Ч. 1. — № 8045.
16. Сичинский, Е. П. Становление полиции на Урале (последняя четверть XVIII — первая половина XIX века) / Е. П. Сичинский. — Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2010. — 235 с.
17. Махрова, Т. К. Правовое регулирование золотого промысла на Урале в первой половине XIX в. / Т. К. Махрова // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — 2015. — № 2 (31). — С. 115—122.